

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. Ф. Черныш

Классовый анализ и современное российское общество

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Chernysh_Klassovyj_analiz.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Глава 1. Классовый анализ и современное российское общество

Даже поверхностный обзор работ, посвященных неравенству, изданных в последние два–три года, свидетельствует о том, что понятие класс и классовой анализ как таковой часто используются российскими и зарубежными социологами в качестве ключа к пониманию процессов, протекающих в трансформирующихся обществах. Ренессанс классового подхода тем более удивителен, что совсем недавно, в 90-х годах XX в. говорить о классах считалось плохим тоном. Анализ социальных различий сводился, как правило, к адекватному воспроизведению социальной пирамиды, в которую постепенно превращалось российское общество. Исследователи отмечали, что по мере развертывания процесса реформ контур пирамиды все более вытягивался, все чаще напоминая треугольник или «луковку» с широким основанием – явный признак глубокого социального расслоения. Увлечение российских социологов стратификационной моделью являлось на тот момент скорее нормой, чем аномалией. Необходимо учитывать, что в предшествующий, советский период подобный взгляд на общество рассматривался властями как неприемлемый. В советской социологии почти не было работ, в которых анализировалось бы вертикальное расслоение советского общества. В случае появления такой работы нельзя было бы обойти вниманием тот факт, что на верхних ступеньках иерархии распределения прочно укоренилась прослойка партийных управленцев, а также других управленцев разного профиля. Российское общество того периода оказывалось жестко поделенным на управляющих и управляемых: положение человека в обществе, его доступ к материальным, социальным и духовным ресурсам в значительной степени определялось той ступенькой, которую он занимал на управленческой лестнице: чем выше ступенька, тем больше возможностей. Названный принцип расслоения относился в полной мере не только к собственно управленцам – партийным работникам, работникам общественных организаций или руководителям всех уровней – но и к тем, кто, на первый взгляд, в систему управления включен не был. Такими были многие деятели культуры или науки, спортсмены, работники сферы образования, которые хотя и не выполняли управленческих функций, но – в меру своего влияния и вклада в копилку достижений страны –

включались в систему статусов, инвариантно отражавшую общественные приоритеты.

Запретный плод стратификационной модели оказался сладок для многих российских обществоведов. Как только идеологической цензуре пришел конец, многие из них, если не большинство, принялись активно экспериментировать в области стратификационного анализа. Значительных успехов в этой области добились В.И.Ильин, О.И. Шкаратан [1,5], одними из первых построившие многомерную модель социальных различий в советском обществе, включившие в эту модель заключенных и другие репрессированные слои; З.Т.Голенкова [2], сумевшая объединить тему стратификации с темой гражданского общества; Н.Е.Тихонова [3] вычленившая основные факторы стратификации; В.В. Радаев [5], выделявший в обществе до семнадцати стратификационных измерений и многие другие. Сразу обнаружилось, что стратификационная модель, при всех ее очевидных преимуществах, не вполне пригодна для общества, находящегося в процессе трансформации. Ее слабости коренились как в области методологии, так и в практической сфере, предполагавшей проведение исследований, призванных подтверждать или опровергать полученные гипотезы. Методологическая слабость стратификационной модели проистекает из концептуальных основ той функционалистской парадигмы, в которой она возникла. Эта парадигма рассматривала общество как систему, в которой каждый индивид занимал ту позицию, которая соответствовала его талантам и заслугам. В неравенстве функционализм видел механизм, призванный обеспечить воспроизводство и выживание системы. Наиболее четко это понимание неравенства сформулировали американские социологи К.Дэвис и У. Мур в 1949 г. По их мнению, социальная система распределяет материальные и иные вознаграждения, в разных пропорциях в зависимости от вклада индивида в процесс воспроизводства. Чем реже встречается в обществе тот или иной вид квалификации, чем больше затрат труда нужно для его получения, тем выше уровень вознаграждения, тем, кто вложил силы для ее получения. Редкий дар, утверждали Дэвис и Мур, вознаграждается выше уже потому, что общество не может позволить себе оставить его без внимания, «зарыть его в землю», подрывая тем самым собственную жизнеспособность. Эта концепция сразу же обнаружила целый ряд существенных недостатков, на который обратил внимание американский социолог-марксист М. Тумин. Господствующее в обществе неравенство не стимулирует расцвет талантов, а, напротив, создает условия, при которых таланты людей, принадлежащих к низшим слоям общества, имеют невысокие шансы быть

адекватно использованными. Семья, полагал он, вносит немалый вклад в неравное распределение жизненных шансов в разных слоях населения. В одном случае родители инвестируют в следующее поколение немалые средства, кропотливо прививают детям ценности социального достижения, в другом они явным или неявным образом ориентируют детей на ручные виды труда и подчиненное положение в социальной иерархии.

Второй серьезный недостаток стратификационной модели состоял в том, что она ориентировалась на анализ неравенства в стабильном обществе, где более высокой квалификации чаще всего соответствовал более высокий доход, а социальная значимость работника определяется мерой общественной потребности в нем. При этом она крайне слабо подходила для анализа общества, находящегося в фазе радикальной трансформации, когда старые институты распределения находятся в состоянии кризиса, а квалификации или навыки, приобретенные в старое время, проходят экзамен на пригодность к новым условиям. Российское общество начала 90-х годов легко ставило в тупик любого адепта стратификационной теории. На первых ролях в нем зачастую оказывались слои, чей квалификационный потенциал находился в сферах, крайне слабо сочетаемых с образом порядка. Квалифицированные работники, включая работников высокой квалификации, напротив, оттеснялись на дно социальной пирамиды. Спасение достигалось зачастую путем обмена квалификационного «первородства» на рыночные навыки, причем нередко в самой примитивной форме. Метаморфозы квалифицированного слоя советского общества, оцениваемые некоторыми западными исследователями реформ как катастрофа, ставящие почти непреодолимые препятствия на пути к технологическому обновлению российской экономики, рассматривались российскими экономистами либеральной ориентации как неизбежные издержки политики реформ – «щепки», разлетающиеся в стороны в ходе рубки тоталитарного дерева. Здесь с очевидностью проявился еще один недостаток (а для некоторых преимущество) стратификационной модели, ее идеологическая подверстанность под предлагаемую российскому обществу либертарианскую модель. Было бы неверно утверждать, что стратификационная логика всегда, во всех случаях ориентирована на идеологию радикального либерализма. Однако в российских обстоятельствах именно стратификационная модель оказывалась наиболее приемлемой для идеологии либеральных реформ. Она, как и классовая модель, была способна фиксировать нарастание социальных различий. Однако, в отличие от классового анализа, она не предлагает критических оценок, ограничиваясь, простой констатацией главных тенденций. Акцен-

тируя континуумные характеристики социальных различий, она уходит от понимания качественных различий, того, что собственники крупных предприятий и наемные рабочие отличаются друг от друга только разным уровнем дохода и, если этот критерий также включен в модель социальной дифференциации, денежным эквивалентом той собственности, которой они обладают. Акцент на континуум в этой теоретической конструкции становится источником ее противоречивости, рождает неопределенности, вызывающие очевидные несообразности в применении между использующими ее в прикладных исследованиях. Взять хотя бы проблему среднего класса. Невозможно представить себе теоретическую конструкцию, в рамках которой оказывались бы возможными два взаимоисключающих положения: о существовании и одновременно отсутствии какой-либо одной социальной группы. Однако именно это происходит с так называемым «средним классом».¹ По мнению некоторых социологов, последовательно реализующих стратификационную логику, средний класс – это только конструкт, не имеющий строго научного определения. По мнению других, средний класс уже присутствует в российском обществе, составляя до 25% его населения. Спор о среднем классе, как всякий классовый вопрос, неизбежно задевает сферу политики, где становится важным аргументом в пользу или против реализуемых реформ. Нельзя не видеть, однако, что стратификационная логика, на которую он опирается, позволяет спорящим весьма вольно обращаться с самим понятием, наполняя его содержанием по своему усмотрению. Аналогичным образом стратификационный анализ рассматривает проблему бедности: доля бедных легко изменяется в зависимости от критериев их определения, выбираемых автором. Но самый важный недостаток (или преимущество, в зависимости от политических воззрений аналитика) стратификационного анализа заключен в его полной свободе от каких-либо объяснительных моделей. Причины неравенства, если и рассматриваются, то только в русле «естественных» тенденций как следствие того состояния, в котором находятся его различные подсистемы. Следует заметить, что именно эта сторона стратификационной теории привлекла к ней многих консервативных социологов прошлого. Не случайно ключевые идеи стра-

¹ Симптоматично, что оперирующая термином страта или слой концепция социальной стратификации прибегает к термину «класс», когда речь заходит о средних слоях. В этом явным образом раскрывается нежелание адептов концепции удовлетвориться, скорее всего, только лишь слоевой логикой в тех случаях, когда речь идет об идеологически значимых понятиях.

тификационного подхода разрабатывались П.Сорокиным, убежденным противником марксистской классовой концепции, особенно в той форме, в которой она воплощалась в революционной практике большевиков. Сорокин противопоставил стратификационный анализ как альтернативный классовой теории, как победу позитивной социологии над доктринерством марксизма, всегда и везде видевшего классы и классовую борьбу.

В какой-то момент стратификационный анализ сыграл важную роль в развенчании необоснованных претензий марксистов на глубокое знание различных форм социальной дифференциации, ближайших и отдаленных перспектив разрешения классовых конфликтов. Благодаря стратификационному анализу остались в прошлом идеи абсолютного и относительного обнищания рабочего класса, его неизбежного численного превосходства над другими социальными группами. Никакие ухищрения марксистов не помогли убедить в неизбежности мировой революции, поверить тому, что пролетарий является носителем идеи освобождения общества, в котором по мере его развития увеличивалась прослойка, задействованная в сфере обслуживания, а также прослойка специалистов-профессионалов. П. Сорокин понимал, что перспективы принятия стратификационного анализа в качестве теоретической базы анализа социальной дифференциации обусловлены не столько успехами в борьбе с дефектами марксистской теории, сколько ее способностью преодолеть собственную статичность, нейтральность по отношению к прошлому или – что даже важнее – будущему. Ведь привлекательность марксизма для интеллектуалов в значительной степени заключалась в его телеологической и прогностической компоненте. Марксисты не просто воспроизводили картину настоящего, они, вооруженные классовой теорией, обретали способность усматривать в настоящем ростки будущего. Стратификационный анализ, в том случае, если бы он не смог соответствовать стандартам, заданным марксизмом, никогда не вытеснил бы его с занимаемых им господствующих высот в интеллектуальном сообществе. Динамичный аспект социальной стратификации Сорокин раскрыл в концепции социальной мобильности. Стратификационный анализ и анализ мобильности рассматривались вкуче уже в одной из первых, основополагающих его работ, посвященных неравенству.

Идеи мобильности, как они были представлены Сорокиным, также становились важным аргументом в борьбе против марксизма. Анализ мобильности убедительно показывал, что доля средней прослойки в развитых странах имеет тенденцию к увеличению, а доля бедных и околобедных слоев – к уменьшению. Соответственно менялись жизненные перспективы

отдельного человека: его социальный горизонт расширялся от поколения к поколению до того состояния, при котором каждый гражданин получал возможность стать частью среднего класса притом, разумеется, что правила общественной игры и общая эгалитарная тенденция их эволюции оставались без изменений. Последний из тезисов, скорее подразумеваемый, чем высказываемый открыто, очень скоро был поставлен под сомнение. Масштабы вертикальной мобильности в СССР оказались беспрецедентными. Эгалитарные социальные институты советской общественной системы продемонстрировали даже более высокую эффективность в уравнивании жизненных шансов, чем институты, обслуживающие мобильность в развитых странах Запада. П.Сорокин добросовестно констатировал существование в СССР мощных потоков мобильности, отмечая при этом, что эти же самые потоки постепенно сводили на нет большевистскую программу достижения полного равенства. В стране победившего социализма возникла правящая верхушка, распоряжавшаяся по своему усмотрению почти всеми промышленными, природными и человеческими ресурсами страны. В тот момент, когда на повестке дня оказалась задача анализа новых форм неравенства, преобладавших в советском обществе, стратификационная модель дала свой первый, симптоматичный сбой. Оказалось, что ее применимость была существенно ограничена обществами с развитой экономикой и рыночными формами хозяйствования. Это, прежде всего, калькулирующие общества, в которых каждый объект, каждый артефакт имеют стоимость, выраженную денежным эквивалентом. В советском обществе далеко не каждый ресурс можно было облечь в денежную форму. Взять хотя бы неформальные связи, игравшие ключевую роль в деле выдвижения того или иного исполнителя на руководящую работу. Этот ключевой ресурс, имеющий сетевую природу, оказался крайне неподатливым для социологов, изучающих советский тип неравенства. Можно сколько угодно изучать феноменологию мобильности в закрытом обществе, подобном советскому, но понять причины, порождающие неравенство, будет крайне сложно, если не принимать во внимание качественные характеристики слоев, то, что воздвигает между ними невидимую, но все же реально существующую стену. Сложность еще и в том, что при всех неблагоприятных тенденциях эксклюзии, наблюдаемой в советском обществе, тотального исключения не было. До последнего момента своего существования советское общество продуцировало восходящие потоки мобильности, хотя их масштаб и интенсивность менялись. Эти изменения были незначительными, если рассматривать их на фоне системных характеристик. Однако именно эти малые изменения, как показала

практика, существенно усилили ресентимент в советском обществе и, прежде всего, ресентимент образованного слоя, видевшего в нарастающем закрытии бюрократической верхушки явную тенденцию ущемления своих неотъемлемых, подкрепленных высокой квалификацией прав.

Наиболее успешным применением стратификационной модели в целях анализа советского общества можно считать иерархию А. Инкелеса. Ее преимущество и, одновременно, недостаток заключались в том, что она была предложена в тот период, когда Советский Союз все еще обладал статусом сверхдержавы и выступал в качестве образца для общественных преобразований в развивающихся странах, освободившихся от колониализма. Советское общество Инкелес представил как лестницу из восьми страт. На верхней ступеньке этой лестницы он увидел высшее партийное и государственное руководство, на нижней – рядовых крестьян и заключенных, отбывающих срок в исправительно-трудовых лагерях [4]. В промежутке между крайними социальными позициями находились представители интеллигенции, различавшиеся уровнем влияния в сфере принятия решений, и рабочие, поделенные на элитные квалифицированные, средние и рядовые слои. Модель Инкелеса вполне эффективно справлялась с идеологической задачей, которая перед ней ставилась явно или неявно. Эта задача состояла в том, чтобы доказать, что несмотря на посыл о равенстве советская система строилась на иерархиях неравенства даже более протяженных и более репрессивных (наличие лагерной страты), чем неэгалитарное по определению капиталистическое общество. При этом идеологическая убедительность модели явным образом соседствовала с ее теоретической слабостью. Вычленив слои, автор не сумел четко выделить критерии определения упомянутых групп, основным в полном соответствии с веберовской концепцией многомерного общества, он считал статус. Однако, как известно из той же теории, статус – это качественная характеристика социальных групп. Как правило, статус являет собой приписанную, то есть передаваемую по наследству характеристику, имеющую четкую, понятную всем социальным слоям атрибутику. И тогда статус чаще всего ассоциируется с традиционными обществами, жестко закрепляющими за подданными строго определенные ниши. Не случайно Вебер, иллюстрируя значение статуса, чаще всего отсылал читателя к Индии с ее развитой кастовой системой. Но есть еще и достигнутый статус. Можно ли рассматривать советское общество как статусное, как общество со строго фиксированными социальными нишами? Если это и можно, то только при условии расширительного толкования самого понятия статус и отказа от веберовской его трактовки. Те ста-

тусные группы, которые Инкелес умозрительно выделял в советском обществе, не были полностью герметичными. В советском обществе, взятом на острие его исторической эволюции, не было жесткой привязки индивида к социальным нишам. Да, в сталинский период изымали паспорта у крестьян для того, чтобы воспрепятствовать их отъезду из колхозов. Однако именно в этот наиболее репрессивный период, миллионы крестьян активно перемещались в города: изъятие паспортов выступало как инструмент регулирования людских потоков на фоне мощнейших сдвигов в социальной структуре, порожденных индустриализацией и коллективизацией. Одно время непререкаемо авторитетными были в советском обществе только ветераны революционной эпохи, но с наступлением периода сталинских чисток и они не могли полагаться на охранительный потенциал своего почетного звания. Даже если не принимать во внимание явные расхождения между классическими определениями статуса и реальной феноменологией социальных различий в советском обществе, остается немаловажный методологический вопрос: как фиксировать статус в мобильном обществе? Общество действительно статусное, традиционное выдвигает для этой цели вполне осязаемые, сопровождаемые привилегиями или их отсутствием критерии – обусловленную рождением принадлежность к сословной группе, внешнюю, материальную атрибутику, заключенную в жизненных возможностях. В советском обществе фиксируемые, статусные характеристики, носили условный характер. Звание «ударника социалистического труда» позволяло получать некий дополнительный бонус по сравнению со средними стандартами жизни советских рабочих, но этот бонус явно не соответствовал уровню реальных качественных различий. Кроме того, этот статус мог быть легко утрачен в случае отсутствия высоких производственных показателей. Аналогичным образом не вполне убедительным представляется характеристика в качестве статусных, различий между интеллигенцией и, к примеру, квалифицированными рабочими. В плане обеспеченности социальными и материальными благами, последние не только не уступали, но зачастую и превосходили образованный слой. Не случайно О.И. Шкаратан настаивал на включении квалифицированных рабочих в состав статусно определяемой интеллигенции: слишком незначительным были различия между двумя слоями в том, что касалось стандартов жизни и досуга. В работе, написанной В.В.Радаевым и О.И.Шкаратаном, предлагается определение советского общества как сословного: «Применительно к данному обществу правомерно в принципе обсуждать вопрос и об элементах сословной стратификации (они соседствуют с каждой этакратической сис-

темой). В данном случае сословные элементы проявляются в принадлежности к определенным политическим или экономическим корпорациям. Например, существенную роль для социального продвижения здесь играет деление на членов партии и беспартийных, которое напоминает членение сословного характера, увязанное с объемом прав и обязанностей перед партократическим государством. Правда, это скорее аналогия, чем строгое определение. Потому что формально-юридически роль членства в партии и в занятии престижных постов нигде не фиксируется. И партийность как статус по наследству не передается. В несколько большей степени походят на сословные деления установленные различия между работниками государственных предприятий и колхозниками. Ибо приниженное положение последних, обложение их дополнительными государственными повинностями официально увязывались с «недоразвитой» колхозно-кооперативной собственностью. Вдобавок, до выдачи паспортов это «сословное» положение колхозника было фактически пожизненным и наследственным. Впрочем, силу исторических аналогий и в этом случае не стоит преувеличивать» [5, с. 15]. Используя понятия сословия, авторы не могут обойтись без важных оговорок: в отличие от сословий в традиционном обществе советские сословия не передаются по наследству, сословные различия не следует преувеличивать. Действительно, значимые различия наблюдались только между городом и деревней, но даже в этом случае они не были непреодолимыми. Если судить о социальной близости по потокам мобильности, то советские сельские жители имели немало возможностей стать горожанами. Горожане также имели право и возможность переселяться в сельские районы, но в большинстве своем предпочитали оставаться в комфортных, оснащенных современными удобствами городах, более перспективных в экономическом и культурном отношении. Симптоматичным, на наш взгляд, является стремление названных авторов совместить стратификационный подход с классовым. Необходимость использования стратификационного анализа авторы обосновывают прагматическими соображениями: общество многомерно, поэтому любой конфликт не может считаться только классовым: «Создано множество моделей стратификации, в которых используются в качестве главных иные критерии ранжирования социальных позиций. Речь идет о двух моментах. Во-первых, в современном мире и сегодня ощутимо присутствие нескольких основных типов стратификации, существующих многие столетия на базе различий в культурах и экономических отношениях: кастовой, сословной, классовой (слоевой). При этом во многих современных обществах эти стратификационные системы сосуществуют и взаи-

модействуют» [5]. Стратификационный анализ, таким образом, преодолевает концептуальную слабость, становясь «зонтиком», под которым объединяются кастовый, классовый и сословно-статусный типы социальной дифференциации.

Прорисовка контуров социального расслоения или же использование элементов методологии Бурдьё, выраженной в ресурсном подходе, мало что меняет в общей неспособности стратификационного анализа сказать что-либо внятное о причинах и возможных последствиях происходящего, о наличии или отсутствии связи процесса нарастающего расслоения с социальной политикой, о природе государства, принимающего подобные различия как норму и оставляющего стандарты распределения на откуп монополизированному рынку.

Общая неудовлетворенность анализом общественных проблем, имманентно свойственным стратификационному подходу, побудила российских и зарубежных исследователей искать другие пути. В некоторых работах сделана попытка расширить его объяснительные возможности за счет включения в него теоретико-понятийного аппарата, свойственного институциональному подходу. Этот ракурс зрения продуктивно использован в работах Т.И. Заславской [6]. Подпитываемый концептуальной базой институционального анализа стратификационный подход возвращается к своим истокам – функционализму в его парсоновской, а затем и лумэновской трактовке. В этом контексте институты мыслятся как поле игры, устанавливающее правила, соблюдать которые должны все ее участники. Институты, как полагает Т.И. Заславская, внутренне противоречивы: с одной стороны, они проецирует в данное поле формальные нормы, с другой – поддерживают и воспроизводят «темную сторону» жизни меняющегося общества. При этом в условиях меняющегося общества «темная сторона» оказывается зачастую даже более влиятельной, чем формальные, декларируемые правила. Т.И. Заславская полагает, что подобное положение свидетельствует о кризисе института: он тем ближе к социальной норме, чем больше опирается на закон. В основе подобного видения лежит представление о современности, воплощенной в законе, в формальных нормах, одинаковых для всех. Между тем, как показывает практика, закон отнюдь не всегда, не во всех странах и не на всех этапах развития является фундаментом социального института. В ситуации путаницы, неизбежно последовавшего за общественной дезинтеграцией периода реформ, многие из базовых институтов остались на плаву только благодаря «темной стороне». Промышленные предприятия, потерявшие привычные каналы сбыта продукции, выжи-

вали благодаря бартеру, высшие учебные заведения – благодаря вводимым явно или неявно платным формам обучения. Семьи выживали благодаря различным формам сетевой поддержки: в городах – за счет продуктов, привозимых деревенскими родственниками, в деревнях – за счет пенсионеров, которые оказывались в новой ситуации едва ли не единственным источником денежных поступлений. Взаимная поддержка и взаимная опора, круговая порука и другие неформальные, если не сказать «теневые практики», становились стратегиями выживания, условием сохранения, хотя и в урезанной, неадекватной новым временам форме жизненно важных для общества институтов. В этой же «теневой форме» зачастую рождались и новые институты. В стране еще не существовало официально признанной частной собственности, а уже работали рынки, шла подспудная приватизация, лишь впоследствии легализованная соответствующими законами. В эпоху быстро меняющегося социального ландшафта именно «теневые» нормы, жизнь «по понятиям» становились едва ли не главной формой функционирования социального института.

В рассуждениях о взаимосвязи между институтами и стратификацией два вопроса остаются без ответа. Во-первых, это – вопрос о происхождении социальных норм. Если институты оказывают решающее влияние на формы социальной дифференциации, вопрос о происхождении норм становится приоритетом в рамках любой объяснительной модели. Современная социология демонстрирует в вопросе о производстве и воспроизводстве норм широкий спектр подходов, явным образом противоречащих друг другу. Культурологическая школа, в теоретических посылах наиболее близкая функционализму, делает акцент на преемственности. В разных трактовках, но с одинаковой настойчивостью повторяется культурологами мысль о том, что наблюдаемые социальные различия – это ничто иное, как воспроизводство ключевых паттернов социальных отношений, характерных для российского общества на протяжении всех этапов его развития. Это подчеркивал П.Сорокин, утверждавший значимость больших культурных циклов, а также циклов воспроизводства социальной стратификации. На этом аспекте генезиса норм концентрирует внимание С. Кирдина, настаивающая на исторической привязке российского общества к так называемой X-матрице, характеризующей авторитаризмом, патриомонизмом и коллективизмом [7]. В том же ключе рассуждает и близкий к американским неоконсерваторам историк Р.Пайпс [8], пытающийся показать не поддающуюся радикальной модификации суть российского общества, неизменно отторгающего от себя ключевые институты, жизненно важные для современного общества. При-

няв подобный подход, легко принять на веру и то, что социальные различия в тех запредельных масштабах, в которых они проявились в ходе реформ, свидетельствуют о возвращении российского общества к его родовой сути, к началу пути, зависимость от которого невозможно преодолеть никакими попытками вестернизации и модернизации. Подобный подход если и имеет какую-либо ценность, то только как идеологический посыл, облекающий в приемлемую научную форму некоторые заблуждения его адептов. В действительности нет никаких доказательств исторического или социологического свойства, указывающих на преобладание момента преемственности по отношению к социальной новации. В XX в. российское общество продемонстрировало высокую степень готовности к институциональным изменениям: за отменой сословных различий последовало быстрое продвижение к строительству новых институтов – институтов образования, управления, массовой коммуникации. Уже к 70-м годам прошлого столетия оно стало урбанизированным и индивидуалистичным. Индивидуализм в виде способности к самоорганизации оказался даже более влиятельной силой в российском обществе, чем в обществах Восточной Европы, сохранивших, несмотря на тоталитарный опыт предрасположенность к солидарному действию. Только действительно предвзятый наблюдатель может утверждать, что в современном российском обществе по-прежнему актуальны элементы уваровской формулы «православие–самодержавие–народность». Индивидуализм и консюмеризм оказались настолько мощными факторами, формирующими его представления о желательном, что в какой-то момент сдерживали процесс строительства новых институтов. Общество застыло в фазе хаоса из-за того, что даже элементарно необходимая степень доверия между участниками политического и экономического процессов достигалась с большим трудом.

Акцент на традиционность как фактор формирования нормативной базы не имеет доказательной базы. Даже в самые трудные годы реформ весомая часть населения поддерживала идею перемен: оказавшись перед выбором – двигаться вперед, несмотря на трудности или вернуться в прошлое, – большинство делало выбор в пользу поступательного движения. Согласно результатам исследований, неприемлемым оказывалась не столько идея реформирования, сколько конкретная циничная политика, воплощавшая курс на социальные изменения.

Нельзя не видеть, что акцент на преемственности, якобы препятствующей продвижению общества к стандартам развитого рынка, как и другие подобные идеи, – это помимо всего индальгенция для тех, кого переме-

ны по разным причинам не устраивают. Если уйти от этой идеи, отказаться от голословных обвинений репрезентативной российской культуры в ее несоответствии требованиям идеи реформирования, то следует признать, что нормативная база институтов – формальная и неформальная – складывается под мощным влиянием социального или, если быть более точным, классового интереса. Российское общество все больше движется к тому состоянию, которое может быть с полным основанием охарактеризовано как ситуация классового конфликта, выраженного как в институциональной форме, подробно охарактеризованной Р. Дарендорфом [9], так и форме фрагментированных микроконфликтов, проистекающих из нарастающего ресентимента по поводу социальных аспектов политики, реализуемой российской властью. Одна из первых попыток всестороннего анализа этого процесса была предпринята финским социологом М. Кивиненом [10]. Используя классовую схему, разработанную в рамках марксизма, он выделил в российском обществе сильные и слабые классы. В этой схеме сильные позиции имели те социальные группы, которые обладали способностью влиять на социальные институты и, в конечном итоге, институционализировать собственные интересы в конкурентном поле политики. Речь идет, прежде всего, о «классах для себя». По мнению Кивинена таковыми на конец прошлого века являлись в России классы крупных собственников и управленцев высшего звена. Слабыми, никак не проявлявшими активности в защиту собственных интересов оказывались в этой схеме рабочие, а также та часть интеллигенции, которая не нашла своего места в новой системе. В условиях полного доминирования социальных интересов правящего класса надежды на социальную модернизацию российского общества оценивались им как призрачные. Только в том случае, если так называемый «средний класс» обретет способность влиять на политику правительства, у страны, полагал Кивинен, может появиться шанс на возрождение.

В классовом анализе Кивинена проявились в полной мере как сильные, так и слабые стороны классового подхода. К сильной стороне следует отнести стремление учитывать классовые противоречия, степень влияния классов на различные социальные институты. Следует отметить, что, исключив этот момент из общей аналитической схемы новых отношений неравенства, сложно понять, каким образом уравнивательные институты советской эпохи в считанное время превращаются в институты, реализующие политику эксклюзии по отношению к широким слоям населения и фаворитизма по отношению к правящему классу и обслуживающим его группам специалистов. Слабости классового подхода связаны с противоречивостью

тех критериев, которые используются для определения классов. Все определения классов базируются на классических формулах начала XX в. (отношения собственности и место в системе организации труда), а также сделанных в них поправках, позволяющих признать существование класса только в том случае, если он демонстрирует способность к организации, институциональному строительству, волю к политическому действию. В целом при всех противоречиях большинство классовых схем, базирующихся на разных основаниях, сводятся к некоей общепринятой структуре, подробно охарактеризованной М. Кивиненом.

При всех разноречивых суждениях о классовой структуре современного общества есть ряд принципов, которые все ее исследователи признают в качестве базовых. Эти принципы следует учитывать и при построении классовой модели современного российского общества.

Классы – это лишь один из критериев, формирующих структуру общества. Далеко не всегда классовая структура – самое важное из социальных измерений, детерминирующее социальное действие, определяющих формы социальных различий. В обществе этнократии, к примеру, ключевым измерением, разводящим людей на группы с противоречивыми интересами, будет национальная принадлежность. Вместе с тем, нельзя не видеть, что зачастую национализм каузально связан с отношениями неравенства. В одних случаях за ним стоит стремление уравнивать жизненные шансы группы, чьи интересы игнорируются правящим классом, в других – стремление сохранить за собой социальные привилегии.

Классовое общество нельзя рассматривать как социальную константу. В XIX веке классовым было большинство обществ Западной Европы. Впоследствии они преодолели это состояние за счет экономического роста, создания эгалитарных общественных институтов, развития потребления в самых разных его формах. На сегодняшний день в наиболее развитых странах Европы действует социальное государство, поддерживающее мощную систему социальных услуг. Нормой стали бесплатное обучение и бесплатное медицинское обслуживание, пособия неимущим и безработным, забота о тех, кто не способен в полную силу конкурировать на рынке труда. Класс собственников платит за эти блага высокими налогами, но принимает их как необходимость, обеспечивающую общественную стабильность, как условие *sine qua non* современной демократической системы. Российское общество обретает черты классового общества только сейчас по мере вхождения в фазу усиления социальных различий.

Существование классового общества не отменяет актуальности внутриклассовых противоречий, которые в какие-то моменты могут оказаться даже более значимыми, чем противоречия между классами. В российском контексте налицо серьезные различия между экспортерами сырья, финансовой отраслью и российскими производителями. Класс наемных работников поделен в неравных пропорциях между государственным и частным сектором. Работники, занятые в частном секторе, имеют более высокие доходы, чем работники государственного сектора экономики. Отсюда элиты, сформировавшиеся в частном секторе экономики, чаще всего поддерживают либеральные партии, выступающие за распределительное статус-кво.

При использовании классового подхода в рамках анализа меняющегося общества следует учитывать асимметричный характер современной классовой системы. Классы имеют разную степень организации, разную степень активности и уже, поэтому, по-разному влияют на нормативную базу социальных институтов. Российское общество разделено на сильные и слабые классы, на тех, кто определяют социальную политику и тех, кто пожидают ее последствия, не имея возможности артикулировать свой протест в организованной форме. Особенность сильных классов состоит в том, что они подчиняют себе представительные учреждения, а также делают все возможное, чтобы поставить под контроль действия исполнительной власти.

В современном обществе превращение «класса в себе» в «класс для себя» – это процесс, который может быть блокирован гегемонией правящего класса в средствах массовой информации. Об этом писал А. Грамши, эту же идею развивал в своих работах Р. Дарендорф. Иными словами, асимметрия классовой структуры – это не столько продукт исторического пространства, сколько совокупный результат медийных стратегий, навязывающих понимание интересов правящего класса как общенациональных, выдаваемых за интересы всего общества. Разумеется, медийная гегемония правящего класса не может быть тотальной в силу уже упоминавшейся неоднородности самой этой группы. Классовый анализ российского общества выглядит как привлекательная альтернатива стратификационному подходу, поскольку открывает широкие возможности для интерпретации, как данных эмпирических исследований, так и результатов социологического дискурса, полученных в ходе изучения трансформирующегося общества.

В данное время социологи находятся в поиске, часто совмещая различные подходы, в частности, в классово-слоевом, отражающем противоречия современных реалий трансформирующегося общества.

Литература

1. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветских обществ. 1917–1996. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 1996.
2. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Наемные работники: некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. 2002. № 9.
3. *Тихонова Н.Е.* Факторы рыночной стратификации условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
4. *Inkeles A.* Social stratification and mobility in the Soviet society // Class, Status and Power/ Ed. By R.Bendix and S.Lipset. N.Y.: The Free Press. 1966/. P.516–527.
5. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект–Пресс, 1996. С.25–26.
6. *Заславская Т.И.* Современное российское общество. М.: Дело, 2004.
7. *Кирдина С.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭОПП, 2001.
8. *Пайтс Р.* Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2004.
9. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. М.: Аспект–Пресс, 2003.
10. *Кивинен М.* Прогресс и хаос. СПб.: Академический проект, 2004.